

Сравнительная степень в тунгусо-маньчжурских языках

В. Ю. Гусев¹, Н. Б. Аралова²

¹ *Институт языкознания РАН, Москва, Россия*

² *Университет имени Кристиана Альбрехта, Киль, Германия*

Аннотация

Рассматриваются формы сравнительной степени прилагательных, которые возникли в диалектах северных тунгусо-маньчжурских языков. Морфологическая сравнительная степень – типологически довольно редкое явление, которое отсутствует, в том числе, в большинстве языков Сибири. Однако во многих диалектах эвенкийского, эвенского и негидальского языков эти формы появились, грамматикализовавшись в континентальных диалектах из селективного показателя, а в быстринском эвенском (Камчатка) – из аттенуатива. В южных тунгусских языках (нанайском, ульчском, уильтинском, орочском, удэгейском) компаративное употребление селектива упоминается в грамматиках, но не встречается в текстах. Переход селектива и аттенуатива в показатели сравнительной степени засвидетельствован типологически, в частности в индоевропейских и уральских языках.

Ключевые слова

сравнительная степень, селектив, аттенуатив, грамматикализация, тунгусо-маньчжурские языки

Благодарности

Авторы благодарны Беате Вагнер-Надь, Р. М. Егоровой, Е. Л. Клячко, Н. Б. Кошкаревой, Деяну Матичу, Л. В. Озолине, Бригитте Пакендорф, Е. В. Перехвальской и Н. М. Стойновой за предоставленные материалы, консультации и замечания к статье.

Для цитирования

Гусев В. Ю., Аралова Н. Б. Сравнительная степень в тунгусо-маньчжурских языках // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 81–95. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-81-95

Comparative in Tungusic languages

V. Ju. Gusev¹, N. B. Aralova²

¹ *Institute of Linguistics, Moscow, Russia*

² *Christian-Albrechts-Universität, Kiel, Germany*

Abstract

The morphological marking of adjectival comparatives, although prevalent in European languages, is a cross-linguistically uncommon feature. Grammaticalization processes in comparative markers represent a typologically underexplored field of study. Similar to other linguistic areas, the majority of Siberian languages lack morphological comparative markers. However, the Northern Tungusic languages display a distinctive characteristic: a prevalent use of morphologically marked adjectives within comparative constructions is observed in multiple Evenki and Even dialects and in Upper Negidal. This study investigates the provenance of comparative markers and their distribution across a range of dialects. Textual data forms the principal basis of this research. Examples of comparative constructions were drawn from published electronic corpora and field-collected texts. The analysis has revealed the grammaticalization of comparative morphological markers in Evenki, Even, and Upper Negidal dialects. Across all investigated continental Northern Tungusic varieties, the suffix with selective meaning is found to develop a comparative function. A shared suffix is frequently noted in descriptions of Nanaic and Oroch-Udihe grammar, yet it is absent from the corpus of available texts. The Bystraia Even dialect of the Kamchatka Peninsula utilizes the attenuative suffix to express comparison,

© В. Ю. Гусев, Н. Б. Аралова, 2025

disregarding its typical attenuative significance. Typologically, both selective and attenuative semantics is related to comparative constructions, sometimes sharing identical forms (e.g., in Indo-European and Uralic languages).

Keywords

comparative, selective, attenuative, grammaticalization, Tungusic languages

Acknowledgements

We express our sincere gratitude to Elena Klyachko, Natalya Koshkareva, Dejan Matić, Larisa Ozolinya, Brigitte Pakendorf, Elena Perekhval'skaya, Natalia Stoyanova, Beáta Wagner-Nagy, and Rimma Yegorova for their consultations, insightful comments, and generous sharing of field data.

For citation

Gusev V. Ju, Aralova N. B. Sravnitel'naya stepen' v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh [Comparative in Tungusic languages]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 81–95. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-81-95

Введение

Сравнительная степень прилагательных – это особая форма, сигнализирующая, что прилагательное является частью сравнительной конструкции; в [Плунгян 2011: 423] она рассматривается как пример актантной деривации, поскольку у прилагательного, помимо значения большей интенсивности, появляется валентность на стандарт сравнения: ‘интенсивнее, чем X’. Эта форма привычна для европейских (причем не только индоевропейских) языков, однако типологически представляет собой относительно редкое явление. Нам неизвестны типологические исследования форм сравнительной степени. Л. Стассен ограничивается замечанием о том, что этимология этих показателей «в основном неизвестна», а также что это «почти исключительно европейское явление» [Stassen 2013]. Исключительно редкой называют эту форму также П. Кудзолин и Кр. Леман [Cuzzolin, Lehmann 2004: 1215]. Правда, в известной статье [Dixon 2008] дается довольно много форм из языков разных географических ареалов, которые напоминают сравнительную степень, хотя, возможно, не все ею в полной степени являются. С. Ито приводит несколько примеров из австронезийских и австроазиатских языков [Ito 2008: 199], из чего можно заключить, что как минимум еще один ареал морфологической сравнительной степени может располагаться в Юго-Восточной Азии. Верно, однако, что об этимологии этих форм известно немного.

Нехарактерны эти формы и для большинства языков Сибири. Тем неожиданнее оказывается их наличие в некоторых эвенкийских, эвенских и негидальских диалектах. В настоящей статье рассматривается происхождение форм сравнительной степени в этих идиомах и их распределение по диалектам.

В нашем исследовании мы столкнулись с двумя основными проблемами.

Первая, вполне ожидаемая, – это недостаточность данных по некоторым диалектам. Не всегда оказалось возможным по опубликованным материалам – описаниям и корпусам – с уверенностью установить наличие такого (как выяснилось) довольно периферийного явления, как морфологическая сравнительная степень. Кроме того, результаты анализа корпусов и опубликованных текстов не всегда соответствуют грамматическим описаниям; как кажется, формы сравнительной степени в грамматиках представлены больше, чем в жизни. Это вызвало необходимость сплошного просмотра доступных текстов на предмет сравнительных конструкций (список использованных источников дан в конце статьи). К сожалению, оказалось, что сравнительная конструкция довольно редко встречается в текстах (либо ее употребительность сильно зависит от жанра или содержания текста).

Вторая проблема связана с тем, что во всех случаях показатель, используемый для сравнительной степени, имеет и другие значения либо в том же, либо в других идиомах; соответственно, перед нами стояла задача понять, используется ли данный показатель в каждом из примеров в значении компаратива или, например, в значении небольшой степени признака и в сравнительной конструкции встретился более или менее случайно.

Для решения первой проблемы, естественно, можно лишь надеяться найти дополнительную информацию, и не для всех диалектов нам удалось получить уверенный ответ. Что же касается разграничения между специализированными показателями компаратива и аффиксами, которые часто встречаются в сравнительных конструкциях, но не выражают сравнение сами по себе, мы старались найти контексты, где выражение другого потенциального значения было бы

невозможно. Например, если суффикс в других диалектах выражает значение небольшой степени признака (аттенуатива), диагностическим может служить контекст типа «Х намного больше, чем Y»: если обсуждаемый суффикс в таком контексте возможен, значит, он уже утратил связь со своей первоначальной семантикой и превратился именно в показатель компаратива.

Ниже в разделе 1 рассматриваются показатели сравнительной степени, восходящие к селективу, а в разделе 2 – происходящие из аттенуатива.

1. Показатели сравнительной степени, восходящие к селективу

1.1. К определению селектива

Селектив ¹ – это грамматическое значение, указывающее на выделение одного члена из заданного множества. Ср. следующие два примера ²:

(1) уильтинский (орокский)

Чомзикы ду ситто му=вэ итэ=хэ=ни, гйда сэгдэ, гйда=дума тагда.
 вдруг два бочка вода=ACC видеть=PST=3SG другой красный другой=SEL белый
Тагда=дума=ки хунигэн=зи чиполохони-тани – паккэ о=си=ни,
 белый=SEL=PROL указательный палец=INSTR окунуть=PST=3SG-PTCL плохо стать=PRS=3SG
сэгдэ=думэ=ки чиполло=ги=ни – зин улинга о=си=ни.
 красный=SEL=PROL окунуть=COND=3SG очень хороший стать=PRS=3SG
 ‘Вдруг две посудыны воды увидал – одна красная, другая белая. В ту, которая белая, свой указательный палец окунул – хуже стало, в ту, которая красная, окунул – очень хорошо стало’ [Петрова 1967: 147/149].

(2) кур-урмийский нанайский

Сиксэри аму=димэ кэкэчэ" мукэ=вэ гэлэ=уэсу=ми соңо=j.
 вечером один=SEL служанка вода=ACC идти за=AND=CONV плакать=PRS
Тймун=димэ кэкэчэ" мō=ва чапче=ми за=pi.
 другой=SEL служанка дерево=ACC рубить=CONV петь=PRS
 ‘Вечером одна из служанок носит воду и плачет, а другая рубит дрова и поет’ [Суник 1958: 139/148].

В Сибири и связанных с ней языковых ареалах, помимо тунгусо-маньчжурских языков, представленных в двух примерах выше, селективы присутствуют в ряде уральских языков и в алеутском, ср. примеры из нганасанского и венгерского языков:

(3) нганасанский

Киэд'ümubta'a=d'üm һүә=δj tjbjk'a'ku, ηam'aj=t'ü labśü'ta=?a
 мужчина=SEL ребенок=3SG подросток другой=3SG быть в люльке=PT.PRS=AUGM
 ‘[Женщина ведет двоих детей, одна из них девочка, другой мальчик.] Мальчик (= мужчина ребенок) уже подросток, а другая в люльке лежит’ [Brykina et al. 2018, KSM_061105_DrowningMan_nar 012].

(4) венгерский

(A kocsi) szebb, mint a más=ik
 DEF машина красивый.COMP как DEF другой=SEL
 ‘(Эта машина) лучше, чем другая [та, которая была раньше]’.

¹ Это значение также часто называется *контрастивом*; встречается также термин *antinomic*, а в некоторых грамматиках используются названия *партитив* или *дуалис*, не соответствующие общепринятому значению этих терминов.

² Во всех примерах ниже сохраняется орфография источников. Глоссирование везде наше. При примерах из электронных корпусов приводится название текста (как оно дано в корпусе) и номер предложения. При примерах из текстов, опубликованных только в печатном виде, приводится номер страницы (если текст и перевод напечатаны на разных страницах, их номера даются через косую черту).

Как видно, селектив никак не модифицирует значение того слова, к которому присоединяется. Его функция в том, чтобы указать, что объект, обладающий данным признаком, входит в известное множество и выделен по данному признаку из этого множества (то есть единственный в этом множестве, кто им обладает). Важное отличие селективных конструкций от сравнительных (что будет существенно для нас ниже) в том, что селектив маркирует не степень признака, а лишь его наличие; так, в примере (3) старший ребенок – не «более мужчина», а просто «мужчина», в примере (4) форму *másik* невозможно понять как «более другая (машина)», и аналогично для двух других примеров выше.

В соответствии с семантикой селектива типичное его употребление – со словами, которые сами по себе подразумевают выделение объекта из множества:

– ‘другой, один из’ (в некоторых языках это абсолютный лидер по употреблению селектива, например в ламунхинском эвенском, из 35 примеров селектива – 21 с *gĩa* ‘один из’; ср. также примеры (1) и (4) выше);

– ‘старший брат’, ‘младший брат’, ‘старшая сестра’, ‘младшая сестра’, ‘отец’, ‘мать’: эти термины родства однозначно выделяют одного из членов семьи;

– ‘большой’, ‘маленький’, ‘старый’.

При присоединении к вопросительному местоимению ‘какой’ селектив образует местоимение ‘который’, поскольку вопрос о признаке превращается в вопрос об одном из членов множества. Так образовано венгерское *tely-ik* от *tely* или уильтинское *hawwi-duma* от *hawwi*; таково же происхождение и русского *который* (см. в Заключении о древних индоевропейских фактах).

В тунгусо-маньчжурских языках южной ветви (маньчжурском и чжурчжэньском) селектив не зафиксирован, а в остальных выражается серией похожих суффиксов (есть, однако, мнение, что сведение этих суффиксов к единой праформе затруднительно [Alonso de la Fuente 2011]):

нанайский	-дима / -димэ
ульчский	-дума / -думэ
орокский	-дума / -думэ
негидальский	-тма / -тмэ, -нма / -нмэ
эвенкийский	-тмар / -тмэр ~ -дымар / -дымэр
эвенский	-тмар / -тмэр

1.2. Амурская и орочско-удэгейская группы

В описаниях тунгусо-маньчжурских языков в число функций этого суффикса традиционно включается образование сравнительной степени; ср. нанайские примеры [Аврорин 1959: 211–212]:

(5) нанайский

Улги мапа=дуй горо сэтуй. Тотами-да сэтуй=димэ дабди=ха=ни.
бурундук медведь=ABL очень слабый однако-PTCL слабый=SEL победить=PST=3SG
‘Бурундук медведя много слабее. Тем не менее слабый (тот из них, который слабый) победил’.

(6) нанайский

Улги мапа=дуй сэтуй=димэ.
бурундук медведь=ABL слабый
‘Бурундук медведя слабее’.

В. А. Аврорин при этом отмечает, что употребление данной формы «в сравнительных оборотах ... факультативно и даже больше того, встречается относительно крайне редко, причем преимущественно в переводной литературе» [Там же: 212]. Не найдена селективная форма в сравнительном значении и в корпусе нанайских текстов [Оскольская и др. 2024], в который, на момент написания статьи, входили тексты из книги [Аврорин 1986] и экспедиционные материалы последних лет.

Та же форма трактовалась как сравнительная в ульчском [Петрова 1936: 39] и уильтинском [Петрова 1967: 62–63; Озолиня 2013: 214] языках. В доступных нам текстах на этих языках сравнительные конструкции с *-дума / -думэ* не встречаются. Применительно к ульчскому языку этому суффиксу также отказывают в статусе показателя сравнительной степени [Горбунова 2023: 289–290; 2024: 68] (эти работы основаны на сплошной выборке сравнительных конструкций из опубликованных текстов на ульчском языке). Что касается уильтинского языка, то в специальной работе [Озолиня 2025], посвященной сравнительным конструкциям, приводятся примеры с этим суффиксом, например (7); неясно, однако, элицитированы они или взяты из текстов:

(7) уильтинский

мама угда=ни сама(н) угда=ди=ни орки=дума би=ччи=н(и)
 старуха лодка=3SG шаман лодка=INSTR=3SG плохой=SEL быть=PST=3SG
 ‘Старухина лодка была хуже лодки шамана’ [Озолиня 2025: 96].

В удэгейском и ороческом языках ситуация похожая. И. В. Кормушин пишет, что в удэгейском языке прилагательное имеет единственную морфологическую форму на *-дима* «со значением усиленности признака», однако специально отмечает, что «значения компаратива и превосходной степени выражаются синтаксически, без морфологического изменения прилагательного» [Кормушин 1998: 90]. В грамматике [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 188] говорится, что этот суффикс может факультативно употребляться в сравнительных конструкциях, как в примере (8).

(8) удэгейский

Biki bāsa=ni eyme=ndima Xu: bāsa=digi=ni
 Бикин река=3SG широкий=SEL Хор река=ABL=3SG
 ‘Река Бикин шире, чем река Хор’.

Однако в текстах, собранных Е. Р. Шнейдером [1937] и И. В. Кормушиным [1998: 103–200], как и в ороческих текстах В. А. Аврорина и Е. П. Лебедевой [1978: 62–136], показатель *-дима* в сравнительных конструкциях не встретился (правда, и количество сравнительных конструкций невелико).

1.3. Северные тунгусские языки

Иное положение в северных тунгусских языках: негидальском, эвенкийском и эвенском³.

В негидальском языке селективный суффикс имеет вид *-тма* в верховском диалекте и *-нма* в низовском. В корпусе верховского диалекта [Pakendorf, Aralova 2017] количество сравнительных конструкций с показателем *-тма* и без него примерно одинаковое; ср. два предложения из одного текста (GIK_rugatsja_mytj: 2, 7):

(9) негидальский, верховской диалект

a. *man=dukki=j sagdi bəjə=ji o=ŋati=s ipe=je*
 сам=ABL=RFL.SG старый человек=INS NEG=DEB=2SG смеяться=NEG.CVB
 ‘С человеком старше себя не будешь смеяться’.

б. *Taj sagdi bəjə=ji [...] ipe=je=ki=s*
 тот старый человек=INS смеяться=NFUT=COND=2SG
man=si na:n=duki=n-da osa=tma o:=ja=s
 сам=2SG он=ABL=3SG-ADD плохой=SEL стать=FUT2=2SG
 ‘Если над старым человеком смеешься, хуже его будешь (в старости будешь хуже его выглядеть)’.

³ Данные по солонскому языку немногочисленны. В очерке [Tsumagari 2009: 15] сказано, что грамматическая форма сравнительной степени отсутствует; в текстах, опубликованных А. О. Ивановским [1894] и Н. Н. Поппе [1931], прилагательные в сравнительных конструкциях не маркированы (но примеров крайне мало); в других работах по эвенкийским диалектам Китая [Булатова 2013; Чжао Кэ 1995, 2009] информации о сравнительных конструкциях нет.

Возможно, распределение форм зависит от каких-то не установленных пока факторов, например от предикативной или атрибутивной позиции. Во всяком случае, из примеров видно, что прилагательные в негидальском языке могут маркироваться в сравнительной конструкции. При этом приведенные примеры не являются селективными, поскольку в явном виде указывают на большую по сравнению с выраженным эталоном сравнения степень признака.

С другой стороны, суффикс *-тма* сохранил и селективные употребления тоже:

(10) негидальский, верховской диалект

əki=tma gun=ə=n gə si əsi mo:=la:=kal
старшая сестра=SEL сказать=NFUT=3SG DP ты сейчас дерево=VR=IMP.2SG

‘Старшая сестра говорит: «Иди теперь ты за дровами»’ [Pakendorf, Aralova 2017, DIN_girl_devil: 26].

Что касается низовского диалекта негидальского языка, то сравнительное употребление суффикса *-тма* в текстах, опубликованных в [Хасанова, Певнов 2003], не встретилось, а в грамматическом очерке авторы пишут: «В верховском диалекте аффикс *-тма*, кроме выделительного значения, имеет сравнительное:

Џул пйрэстэ или байа=тма.
два верста или больше=SEL

‘Два километра (версты) или больше’» [Там же: 252] (гlossирование примера наше – Авт.).

Вероятно, это следует интерпретировать как указание на то, что в низовском диалекте соответствующий суффикс в сравнительном значении не употребляется. Если это так, то граница ареала сравнительного употребления аффикса селектива проходит между двумя негидальскими диалектами, из которых верховской, как известно [Хасанова 1986: 4], находился в тесном контакте с эвенкийским языком, о котором см. ниже, а низовской, напротив, соседствовал с ульчским.

В западных говорах эвенкийского языка ситуация аналогична верховскому негидальскому (ср. [Попова 2015]): прилагательные в сравнительных конструкциях могут оформляться суффиксом селектива, а могут обходиться без него; распределения заметить не удастся:

(11) эвенкийский, западный диалект, ламунхинский говор

а. *Abagañdza nojan=dıku=n hawdı=dmар aka=dmар bi=če go:=ıne=r.*
дед он=ABL=3SG старый=SEL старший=SEL быть=PF.PTC говорить=HAB=3PL
‘Говорят, дед был старше ее, старше ее’ [полевые материалы Б. Пакендорф, Krivoshapkina_Ija_memories 113].

б. *Omen, dzo:r anjanı=t akan min=duk.*
один два год=INSTR старший я=ABL
‘На 1–2 года старше меня’ [полевые материалы Б. Пакендорф, Alekseeva_RD_stado_then_now 002].

(12) эвенкийский, западный диалект, томпонский говор

а. *Iamı=gut=ta mut=ııi=duk go:=mi nı:da=tmar bi=we:t=ten taıııa=tnan*
почему=INDEF=PTL мы=POSS=ABL сказать=CVB красивый=SEL быть=GNR=3PL рога=3PL
‘Почему-то их рога бывают красивее наших’ [полевые материалы Д. Матича, Top09_GNM_4 1.268].

б. *Emie=de taıııa=lka:n=da, dzıl=a=n bolla:na taıııa=dıku=n=da kuıııe:n.*
также=PTL рога=PROP=PTL голова=EP=3SG DP рога=ABL=3SG=PTL маленький
‘С рогами, а голова меньше, чем рога’ [полевые материалы Д. Матича, Top07_GNM_4_Creation-Animals 064].

Нам не удалось найти пример сравнительной конструкции с селективным суффиксом в нижнеколымском диалекте, но это не показательно, поскольку корпус его небольшой.

Из говоров восточного диалекта мы рассмотрели данные березовского и быстринского эвенского. По описанию [Роббек 1989: 90–91], в березовском говоре в сравнительной конструкции с прилагательным могут использоваться три суффикса: *-ста* / *-стэ*, аттенуативный суффикс *-сукан* / *-сукэн* и селективный суффикс *-дмар* / *-дмэр*. Из одиннадцати примеров, обнаруженных нами в [Роббек 2005], в шести прилагательное маркировано селективом. В остальных случаях оно либо не маркировано, либо (в двух примерах) интерпретация конструкции затруднительна. Ср. пример (13), где в первой части загадки прилагательное *koŋuke:n* ‘маленький’ не маркируется специальным суффиксом, а во второй части *eŋi* ‘сильный’ маркируется селективом. Стандарт сравнения при этом в обеих частях эксплицитно выражен и оформлен аблативом:

(13) эвенский, восточный диалект, березовский говор

Təvtə=duk=tə kəčukən tar=da bi=mi nakat=tuk əŋi=dməŋ
ягода=ABL=PTL маленький тот=PTL быть=SIM.CVB медведь=ABL сильный=SEL
‘Меньше ягоды, но сильнее медведя’ (отгадка: пуля) [Роббек 2005: 299].

Об использовании аттенуативных суффиксов в сравнительной функции в восточных эвенских диалектах – березовском и быстринском – см. в разделе 2. Сравнительных конструкций с суффиксом *-ста* / *-стэ* в текстах нам не встретилось.

Перейдем теперь к эвенкийскому языку.

В северном диалекте (илимпийском и ербогаченском говорах), для которого создан достаточно представительный корпус [Däbritz et al. 2024], практически все сравнительные конструкции содержат показатель *-dimar* / *-tmar*:

(14) эвенкийский, северный диалект, ербогаченский говор, с. Ербогачен

uŋkə:n bi=hi=n əŋəhi, əŋəhi:=tmər nuŋar=duk=tin
один быть=PRS=3SG сильный сильный=SEL они=ABL=3PL
‘[Много лет прошло, слышали, что где-то у якутов] есть один силач, сильнее их’ [Василевич 1936: 93].

Примеры из южного и восточного диалектов мы искали путем сплошного просмотра русских переводов в сборниках [Василевич 1936] и [Василевич 1966]; сравнительных конструкций в них встретилось, как обычно, немного, но почти все содержат суффикс *-tmar*, ср. примеры:

(15) эвенкийский, южный диалект, непский говор, с. Непа

iri=mī si min=duk həgdi=tmər ō=daŋā=s, ə=siki=s iri=rə,
пожарить=SIM.CVB ты я=ABL большой=SEL стать=FUT=2SG NEG=COND=2SG пожарить=CNG
vi sin=duk həgdi=mər ō=daŋā=w
я ты=ABL большой=SEL стать=FUT=1SG
‘Сжаривши [мясо], ты станешь больше меня, если не сжаришь, я буду больше тебя’ [Василевич 1936: 74].

(16) эвенкийский, восточный диалект, кур-урмийский диалект, р. Урми

Bəjə nuŋan=duk=in əŋəhi=tmər ō=na=n təkəni=n vi=cə.
человек он=ABL=3SG сильный=SEL стать=PT.PF=3SG корень=3SG быть=PST
‘Человек его [медведя] сильнее творения основой (при сотворении) был’ ⁴ [Василевич 1936: 18].

(17) эвенкийский, восточный диалект, сахалинский диалект, о. Сахалин

Duŋin buga Kədərənind'ə=n əgdı=t=ni əgdı=mər,
средний земля Кэдэрэнинде=3SG широкий=INSTR=REFL широкий=SEL

⁴ По-видимому, «когда человек или медведь только появились, человек был сильнее медведя».

эңэхй=т=пи эңэхй=тмэр, гугдā=т=пи гугдā=тмар.
 сильный=INSTR=REFL сильный=SEL высокий=INSTR=REFL высокий=SEL

‘Средней земли Кэдэрэнинде шире, сильнее и выше, [чем Гарпани]’ ⁵ [Василевич 1966: 97/252].

В следующих двух примерах к сравнительной форме прилагательного присоединяется суффикс инструменталиса, образуя тем самым сравнительную форму наречия (образование наречия от прилагательного с помощью показателя инструменталиса обычно для тунгусо-маньчжурских языков); пример (18) из текста 1935 г., пример (19) – современный, 2007 г.:

(18) эвенкийский, южный диалект, подкаменно-тунгусский говор, р. Тычаны

Эвэнки=л бурдук=ва га=л=ла, айа=тмар=ит д’эв̄=л=лэ [...].

эвенк=PL хлеб=ACC брат=INCH=PRS хороший=SEL=INSTR есть=INCH=PRS

Куп̄еси=л айа=тмар=ит иргич̄=л=ла.

купец=PL хороший=SEL=INSTR кормить=INCH=PRS

‘Эвенки начали забирать у них хлеб. Стали лучше питаться [...] Купцы стали лучше кормить их’ [Василевич 1966: 141/296].

(19) эвенкийский, южный диалект, подкаменно-тунгусский говор, пос. Стрелка-Чуны

ниҕар=тин сō=тмэр=ит бун̄т̄=д’а=пк̄т̄=л

он=3PL сильный=SEL=INSTR быть=IPFV=PT.HAB=PL

‘Они [волки] сильнее воют’ [Казакевич, Клячко 2013: «Волки»].

Интересно, что сравнительная форма может образовываться и от существительного:

(20) эвенкийский, южный говор, верхнеленский говор, с. Тутура

Tari ḡlān=duk ḡlān=ditmэр⁶.

тот мастер=ABL мастер=SEL

‘Тот из мастеров мастер’ [Василевич 1936: 118].

Отметим для полноты картины, что сравнительные конструкции без суффикса *-tmar* все же возможны. Как и в других тунгусо-маньчжурских идиомах, правила, объясняющего появление или отсутствие этого суффикса, мы предложить не можем. Однако как минимум в части примеров он отсутствует тогда, когда в предложении сравнение выражается иным способом. Это может быть, к примеру, количественное выражение разницы, как в (21):

(21) эвенкийский, восточный диалект, тутуро-чумиканский говор, пос. Тутур

бэйэ ḡ=мй, Ум̄слик̄эн=дук д’āн=д’и сō бэйэ ḡ=ңām̄.

мужчина стать=SIM.CVB Умусликэн=ABL десять=INSTR сильный человек быть=DEB

‘[Такой ребенок] став мужчиной, в десять раз сильнее Умусликэна будет’ [Василевич 1966: 96/248].

Итак, в эвенкийском языке показатель сравнительной степени развивается из селектива (в функции селектива этот суффикс тоже сохранился). Такой же процесс мы наблюдаем и в западном эвенском диалекте и в березовском говоре восточного диалекта, а также в верховском диалекте негидальского (а низовской его диалект, по-видимому, ближе в данном отношении к амурским языкам – ульчскому и нанайскому).

В быстринском говоре эвенского языка (на Камчатке) селектив в сравнительных конструкциях, насколько известно из полевых данных, совсем не употребляется; однако используется другой показатель, о котором см. следующий раздел.

⁵ Эта конструкция не очень понятна; вероятно, ее надо понимать как «в ширину шире, силой сильнее, в высоту выше» либо, быть может, как указание на большую степень отличия: «намного шире, сильнее и выше».

⁶ Последняя форма представляет собой контаминацию двух вариантов суффикса селектива: *-dimar* и *-tmar* либо сочетание адъективного суффикса *-di* и *-tmar*.

2. Показатели сравнительной степени, восходящие к аттенуативу

Аттенуатив – это значение слабой степени признака. Употребление аттенуативных форм в сравнительных конструкциях исходно, по-видимому, указывает на слабую степень отличия: «от X немного большей» значит ‘немного больше, чем X’. В русском языке для таких случаев есть специальные формы типа *побольше*; как мы видим на этом примере, значение «небольшого отличия» по какой-то причине достаточно важно, чтобы быть способным к грамматикализации. В дальнейшем исходно аттенуативные формы могут терять компонент небольшого отличия и начинать указывать просто на отличие, то есть становиться сравнительной формой.

Аттенуатив может использоваться как показатель сравнительной степени в восточном эвенском.

В березовском говоре оформление предположительно сравнительной конструкции аттенуативным суффиксом нам встретилось лишь один раз. При этом в предложении отсутствует объект сравнения, и общая интерпретация имеет скорее аттенуативный характер, т. е. трактовка этой конструкции как сравнительной скорее условна:

- (22) эвенский, восточный диалект, березовский говор

Эсимэ=сукэн хөр=дэ=ку

поздний=ATTN идти=FUT.IMP=1SG

‘Попозже зайду’ [Роббек 2005: 274].

Что касается быстринского говора, то большинство примеров из корпуса не содержат объекта сравнения. Кроме того, мы не могли полностью исключить аттенуативное значение, опираясь исключительно на контекст (примеры 23, 24). Однако в элицированных примерах мы скомбинировали прилагательное, маркированное аттенуативом, с наречием ‘гораздо’, таким образом исключив возможность аттенуативного прочтения (примеры 25, 26).

- (23) эвенский, восточный диалект, быстринский говор

erek urumku=šukan aŋa=nča=l biše=ke=ten-kana

это короткий=ATTN шить=PT.PF=PL быть=COND=3PL-CONTR

‘Вот это покорооче бы надо было шить’ [полевые материалы Б. Пакендорф, Ichanga_Adukanov_muzej1_cont 153].

- (24) эвенский, восточный диалект, быстринский говор

...gie=ši, mun=duk uŋ bi=ši=n,

другой=EMPH мы.EX=ABL HES быть=PST=3SG

aŋd̥i=šukan ašj, tarak ŋkal etike=lken bi=ši=n.

ста- женщина тот уже старик=PROP быть=PST=POSS.3SG

рый=ATTN

‘...другая же – нас старше женщина – замужем была’ [полевые материалы Б. Пакендорф, Grigoreva_NI_shkola_remesel_1 273].

- (25) эвенский, восточный диалект, быстринский говор

Кобылан тившич эгден(=шукэн) чимыкчан=дук

медведь гораздо большой=ATTENмышь=ABL

‘Медведь гораздо больше мыши’ [Полевые материалы Н. Б. Араловой].

- (26) эвенский, восточный диалект, быстринский говор

Мин аҕдыҕ=у уркэн тившич мин=дук аҕын=шукан

мой старший=1SG мальчик гораздо я=ABL старший=ATTEN

‘Мой брат гораздо старше меня’ [Полевые материалы Н. Б. Араловой].

Кроме суффикса *-šukan / -šuken*, в быстринском говоре есть также аттенуативный суффикс *-šta / -šte*, о котором мы упоминали выше в связи с говором Берёзовки. К сожалению, в корпусе явно недостаточно примеров для его детального описания, но, судя по имеющимся данным, этот суффикс, как и суффикс *-šukan / -šuken*, не обязательно используется в сравнительной

конструкции. Так, в примере (27) он маркирует реляционное имя *degde*- ‘верх’, в результате чего мы получаем значение ‘повыше оврага’.

(27) эвенский, восточный диалект, быстринский говор

Nan-da uč=i=d=du-si dzawal kəbalan bīrakčan

и-PTL гнать=EP=PROG=1PL.EX-EMPH дьявол медведь овраг

de:gde=ste=li=n n̄o:ŋč̄i=n

вы- бежать=3SG

сота=ATTN=PROL=3SG

‘Опять погнались, дьявол-медведь повыше оврага побежал’ [Полевые материалы

Н. Б. Араловой, Solodikov_AA_bearhunt 010].

По данным эликации мы видим, что этот суффикс может использоваться и в сравнительной конструкции, аналогично суффиксу *-šukan / -šuken* (примеры 28, 29). Уточнение семантики и дистрибуции этих суффиксов требует дальнейшего исследования.

(28) эвенский, восточный диалект, быстринский говор

bi n̄oŋan=d̄uk agd̄i=šte

я он=ABL старый=ATTN

‘Я чуть постарше его’ [полевые материалы Б. Пакендорф].

(29) эвенский, восточный диалект, быстринский говор

n̄o:de=šte n̄oŋan=duku=n

красивый=ATTN он=ABL=3SG

‘более красивая, чем она’ [полевые материалы Б. Пакендорф]

Заключение

Мы постарались продемонстрировать, что в части тунгусо-маньчжурских языков, прежде всего в северных – эвенкийском, негидальском и эвенском, возникают морфологические формы сравнительной степени прилагательного. Источниками этих форм стали суффиксы селектива (в эвенкийских, континентальных эвенских и верховском негидальском диалектах) и аттенуатива (в камчатском эвенском). В южных тунгусских языках (нанайском, ульчском, уильтинском, удэгейском, орочком) употребление форм селектива в функции сравнительной степени упоминается в грамматических описаниях, но отсутствует в текстах. Нам вовсе не удалось обнаружить такие формы в низовском негидальском диалекте, в солонском языке и в эвенкийских диалектах Китая, равно как и в чжурчжэньском и маньчжурском языках.

Как кажется, даже в тех идиомах, где маркирование сравнения на прилагательном присутствует, оно нигде не стало полностью обязательным, как оно является обязательным, например, в европейских языках. Из-за небольшого объема материала (сравнительные конструкции в принципе не очень частотны) у нас нет числовых данных, но по приблизительной оценке частотность употребления таких форм варьируется от «почти всех» сравнительных конструкций в северном эвенкийском диалекте до «примерно половины» в верховском негидальском и эвенском. Возможно, в тех говорах южного эвенкийского диалекта, которые непосредственно соседствуют с северным (то есть подкаменно-тунгусском и сымском), частотность форм на *-tmar* в сравнительных конструкциях выше, чем в других южноэвенкийских говорах, однако этот вопрос требует дополнительного исследования. В нанайском, ульчском, уильтинском, орочком, удэгейском языках сравнительные употребления *-tmar*, очевидно, потенциально возможны и выдаются при эликации, благодаря чему попадают в грамматические описания, но практически не встречаются в реальной речи. Таким образом, представляется, что частотность форм сравнительной степени максимальна на северо-западе указанного ареала и уменьшается к югу и востоку.

Трудно здесь не процитировать ительменскую грамматику А. П. Володина, где упоминаются две формы сравнительной степени, которые отмечались во всех предыдущих описаниях, но реально не встречались. Одна из них – форма на *-чейе*, которая «существует, и информанты охотно подтверждают ее, но при этом она не используется ни в текстах, ни в живой речи»; вторая – форма на *-ус*, которая «существует, но не используется; кроме того, она известна лишь

отдельным информантам». При этом у второй формы «иногда наличествует» оттенок неполноты признака, но «преобладает компаративный оттенок» [Володин 1976: 326–327]. То, что вторая форма напоминает о компаративных употреблениях аттенуативных суффиксов в эвенском, вряд ли случайно (а эвенские данные, таким образом, косвенно подтверждают семантику слабо засвидетельствованного показателя в ительменском), а ситуация «есть в грамматиках, но не в жизни» подобна той, которую мы видели в амурских языках, удэгейском и ороческом. Вероятно, ительменский язык также принадлежал к периферии ареала сравнительной степени, занимая его крайне восточный край.

И селектив, и аттенуатив типологически засвидетельствованы как значения, которые могут совмещаться с компаративом в одной форме (возможно – как источники компаратива, если мы предполагаем везде то же направление развития, как в тунгусо-маньчжурских языках). Индоевропейский селективный суффикс **-ter*, присутствующий, в частности, в слове **kwo-ter-os*, откуда русское *котопый*, в **deksi-ter-os* ‘правый’ и **sinis-ter-os* ‘левый’ (а также, возможно, в словах **ph₂ter* ‘отец’, **mātēr* ‘мать’, **dhugh₂ter* ‘дочь’, **bhreh₂ter* ‘брат’ [Pinault 2007], то есть в типично сочетающихся с селективным суффиксом лексемах), принял функцию сравнительной степени в греческом и индоиранских языках [Cowgill 1970: 115–116]. Полисемия аттенуатива и компаратива засвидетельствована в некоторых финно-угорских языках ([Черемисинова 2022], см. там же ссылки на более раннюю литературу). Уральский суффикс **-mpi* выполняет функцию компаратива в венгерском, селектива и компаратива в финском, селектива в саамском и аттенуатива в немецком [Bergsland 1982: 107; Nikolaeva 2014: 135; Ylikoski 2018: 18].

Таким образом, в самом по себе развитии форм сравнительной степени из селектива и аттенуатива ничего неожиданного нет. Интересно, однако, что типологически редкая (хотя, быть может, не такая редкая, как это представлено в [Cuzzolin, Lehmann 2004] или [Stassen 2013]) форма возникла в континентальных тунгусо-маньчжурских идиомах и в эвенском языке Камчатки, по-видимому, независимо и относительно недавно, судя по тому, что она не полностью грамматизировалась (не стала обязательной), и при этом, в отличие от финно-угорских языков Европы, в отсутствие какой-либо известной ареальной поддержки.

Список сокращений

1, 2, 3 – 1-е, 2-е, 3-е лицо; ABL – аблатив; ACC – аккузатив; ADD – аддитивная частица; AND – андатив; ATTN – аттенуатив; AUGM – аугментатив; CNG – коннегатив; COND – условная форма; CONTR – контрастивная частица; CVB – деепричастие; DEB – дебитив; DEF – определенный артикль; DP – дискурсивная частица; EMPH – эмфатический показатель; EP – эпентетический звук; EX – эксклюзивная форма 1-го л. мн. ч.; FUT – будущее время; FUT2 – второе будущее время; FUT.IMP – императивное будущее; GNR – генерическое настоящее; HAB – хабиитуалис; HES – гезитатив; IMP – императив; INCH – инхоатив; INDEF – неопределенная форма; INS – инструменталис; IPFV – имперфектив; NEG – отрицание; NFUT – небудущее время; POSS – посессив; PROL – пролатив; PROP – проприетив; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; PT – причастие; PTL – частица; SEL – селектив; SIM.CVB – деепричастие одновременности; VR – вербализатор.

Список литературы

- Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 282 с.
 Аврорин В. А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986. 256 с.
 Аврорин В. А., Лебедева Е. П. Ороческие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978. 264 с.
 Булатова Н. Я. Новые материалы по солонскому языку // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2013. Т. IX, ч. 3. С. 147–165.
 Василевич Г. М. (сост.) Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л.: Ин-т народов Севера, 1936. 290 с.
 Василевич Г. М. (сост.). Исторический фольклор эвенков. М.; Л.: Наука, 1966. 400 с.
 Володин А. П. Ительменский язык. Л., 1976. 426 с.
 Горбунова В. А. Способы выражения сравнения в ульском языке // *Сибирский филологический журнал*. 2023. № 2. С. 286–299.
 Горбунова В. А. Способы выражения сравнительных отношений неравенства в ульском и других тунгусо-маньчжурских языках // *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 62–73.

- Ивановский А. О. Mandjurica. I: Образцы солонского и дагурского языков. СПб, 1894. 79 с. (переизд.: *Ivanovskiy A. O. Mandjurica. I: Specimens of the Solon and Dagur languages.* Budapest: Akadémiai kiadó, 1982).
- Казакевич О. А., Клячко Е. Л. Создание мультимедийного аннотированного корпуса текстов как исследовательская процедура // Корпусная лингвистика – 2013: Труды международной конференции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 292–300.
- Кормушин И. В. Удыхейский язык. М.: Наука, 1998. 320 с.
- Озолия Л. В. Грамматика орокского языка. Новосибирск: Гео, 2013. 373 с.
- Озолия Л. В. Сравнение в тунгусо-маньчжурских языках (на материале орокского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11. № 1. С. 92–101.
- Оскольская С. А., Шрейбер А. С., Якубой А. И. Корпус нанайского языка. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ, 2024 (дата обращения: 22.04.2025).
- Петрова Т. И. Ульчский диалект нанайского языка. М.; Л.: Учпедгиз, 1936. 156 с.
- Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967. 156 с.
- Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
- Попова М. Д. Степени сравнения прилагательных в эвенском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (Вып. 43), часть 2. С. 169–171.
- Поппе Н. Н. Материалы по солонскому языку. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 144 с.
- Роббек В. А. Язык эвенков Березовки. Л.: Наука, 1989. 206 с.
- Роббек В. А. Фольклор эвенков Березовки. Образцы шедевров. Якутск: Ин-т малочисленных народов Севера СО РАН, 2005. 370 с.
- Суник О. П. Кур-урмийский диалект: исследования и материалы по нанайскому языку. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1958. 208 с.
- Хасанова М. М. Повелительное наклонение в эвенкийском языке. Л.: Наука, 1986. 104 с.
- Хасанова М. М., Певнов А. М. Мифы и сказки негидальцев. Осака, 2003. 297 с.
- Цинциус В. И. Негидальский язык. Л.: Наука, 1982. 312 с.
- Черемисинова М. О. Компаративно-аттенуативная полисемия в финно-угорских языках // Урало-алтайские исследования. 2022. № 3 (Вып. 46). С. 75–95.
- Чжао Кэ. Эвэнькэюй цанькао юйфа. Пекин, 2009. Zhao Ke. Ewenkeyu cankao yufa [Reference grammar of Evenki]. Beijing, 2009. 366 с.
- Чжао Кэ. Эвэнькэюй яньцзю. Пекин, 1995. Zhao Ke. Ewenkeyu yanjiu [Studies on Evenki]. Beijing, 1995. 252 с.
- Шнейдер Е. Р. Материалы по языку анюйских удэ. М.; Л.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1937. 134 с.
- Alonso de la Fuente J. A. Northern Tungusic */V^o-tmAr/~*/C^o-d(i)mAr/ // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2011. No. 64:2. Pp. 183–200.
- Bergsland K. Sydsamisk grammatikk. Oslo: Universitetsforlaget, 1982. 138 p.
- Brykina M., Gusev V., Szeverényi S., Wagner-Nagy B. Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC). Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.2. Publication date 2018-06-12. URL: <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8>
- Cowgill W. Italic and Celtic superlatives and the dialects of Indo-European // Indo-European and the Indo-Europeans. Philadelphia / Eds. George Cardona, Henry M. Hoenigswald, and Alfred Senn. University of Pennsylvania Press, 1970. Pp. 113–153.
- Cuzzolin P., Lehmann Chr. Comparison and Gradation // Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung. 2. Halbband. / Eds. G. Booij, Chr. Lehmann, J. Mugdan. Berlin: De Gruyter, 2004. Pp. 1212–1220.
- Däbritz Chr. L., Gusev V., Stoyanova N. INEL Evenki Corpus. Version 2.0. Publication date 2024-12-31. Archived at Universität Hamburg. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FE38-D> // The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>
- Dixon R. M. W. Comparative constructions: a cross-linguistic typology // Studies in Language. 2008. Vol. 32 (4). Pp. 787–817.
- Ito S. Typology of comparatives // 22nd Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation / Ed. Rachel Edita O. Roxas. Manila: De La Salle University, 2008. Pp. 197–206.
- Nikolaeva I. A grammar of Tundra Nenets. Berlin; Boston: De Gruyter, 2014. 528 p.

Nikolaeva I., Tolskaya M. A grammar of Udihe. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2001. 1002 p.

Pakendorf B., Aralova N. Documentation of Negidal, a nearly extinct Northern Tungusic language of the Lower Amur. Endangered Languages Archive. 2017. URL: <http://hdl.handle.net/2196/00-0000-0000-000F-E387-1>

Pinault G.-J. A Star is Born: A “New” PIE *-ter- Suffix // Verba docenti. Studies in historical and Indo-European linguistics presented to Jay H. Jasanoff by students, colleagues, and friends / Ed. Alan J. Nussbaum. Ann Arbor: Beech Stave, 2007. Pp. 271–279.

Stassen L. Comparative Constructions // Matthew S. Dryer, Martin Haspelmath (eds.). WALS Online (v2020.3) 2013.

Tsumagari T. A sketch of Solon grammar // 北方人文研究 = Journal of the Center for Northern Humanities. 2009. No. 2. Pp. 1–21.

Ylikoski J. The so-called relation form of nouns in South Saami // Finno-ugrische Forschungen. 2018. No 2. Pp. 6–71.

References

Alonso de la Fuente J. A. Northern Tungusic */V^o-tmAr/~*/C^o-d(i)mAr/. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2011, no. 64:2, pp. 183–200.

Avrorin V. A. *Grammatika nanayskogo yazyka* [A grammar of the Nanai language]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1959, vol. 1, 282 p. (In Russian)

Avrorin V. A., Lebedeva E. P. *Orochskie teksty i slovar'* [Oroch texts and dictionary]. Leningrad, Nauka, 1978, 264 p. (In Russian)

Avrorin V. A. *Materialy po nanayskomu yazyku i fol'kloru* [Data on the Nanai language and folklore]. Leningrad, Nauka, 1986, 256 p. (In Russian)

Bergsland K. *Sydsamisk grammatikk*. Oslo, Universitetsforlaget, 1982, 138 p.

Brykina M., Gusev V., Szeverényi S., Wagner-Nagy B. *Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC)*. Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.2. Publication date 2018-06-12. URL: <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8>.

Bulatova N. Ya. Novye materialy po solonskomu yazyku [New data on the Solon language]. *Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta linguistica Petropolitana]. 2013, vol. IX, pt. 3, pp. 147–165. (In Russian)

Cheremisina M. O. Komparativno-attenuativnaya polisemiya v finno-ugorskikh yazykakh [Comparative-attenuative polysemy in Finno-Ugric languages]. *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altaic Studies]. 2022, no. 3 (iss. 46), pp. 75–95. (In Russian)

Cowgill W. Italic and Celtic superlatives and the dialects of Indo-European. In *Indo-European and the Indo-Europeans*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1970, pp. 113–153.

Cuzzolin P., Lehmann Chr. Comparison and Gradation. In *Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung*. 2. Halbband. Berlin, De Gruyter, 2004, pp. 1212–1220.

Däbritz Chr. L., Gusev V., Stoyanova N. INEL Evenki Corpus. Version 2.0. Publication date 2024-12-31. Archived at Universität Hamburg. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FE38-D> In *The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages*. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>

Dixon R. M. W. Comparative constructions: a cross-linguistic typology. *Studies in Language*. 2008, vol. 32 (4), pp. 787–817.

Gorbunova V. A. Sposoby vyrazheniya sravneniya v ul'chskom yazyke [Ways of expressing comparison in the Ulch language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2023, no. 2, pp. 286–299. (In Russian)

Gorbunova V. A. Sposoby vyrazheniya sravnitel'nykh otnosheniy neravenstva v ul'chskom i drugikh tunguso-man'chzhurskikh yazykakh [Ways of expressing comparative inequality in the Ulch and other Tungusic languages]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 62–73. (In Russian)

Istoricheskiy fol'klor evenkov [Historical folklore of Evenkis]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1966, 400 p. (In Russian)

Ito S. Typology of comparatives. In *22nd Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation*. Manila, De La Salle University, 2008, pp. 197–206.

- Ivanovskiy A. O. *Mandjurica. I: Obraztsy solonskogo i dagurskogo yazykov* [*Mandjurica. I: Specimens of the Solon and Dagur languages*]. St. Petersburg, 1894, 79 p. (reprinted: Ivanovskiy A. O. *Mandjurica. I: Specimens of the Solon and Dagur languages*. Budapest: Akadémiai kiadó, 1982). (In Russian)
- Kazakevich O. A., Klyachko E. L. Sozdanie mul'timediynogo annotirovannogo korpusa tekstov kak issledovatel'skaya protsedura [Creation of multimedia annotated corpus of texts as a research procedure]. In *Korpusnaya lingvistika – 2013: Trudy mezhdunarodnoy konferentsii* [*Corpus linguistics – 2013: Proceedings of an international conference*]. St. Petersburg, SPbSU, 2013, pp. 292–300. (In Russian)
- Khasanova M. M., Pevnov A. M. *Mify i skazki negidal'tsev* [*Myths and tales of the Negidals*]. Osaka, 2003, 297 p. (In Russian and Negidal)
- Khasanova M. M. *Povelitel'noe naklonenie v evenkiyskom yazyke* [*Imperative in Evenki*]. Leningrad, Nauka, 1986, 104 p. (In Russian)
- Kormushin I. V. *Udykheyskiy yazyk* [*Udihe language*]. Moscow, Nauka, 1998, 320 p. (In Russian)
- Nikolaeva I. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin, Boston, De Gruyter, 2014, 528 p.
- Nikolaeva I., Tolskaya M. *A grammar of Udihe*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2001, 1002 p.
- Oskol'skaya S. A., Shreyber A. S., Yakubov A. I. *Korpus nanayskogo yazyka* [*Corpus of Nanai*]. Moscow, Mezhdunarodnaya laboratoriya yazykovoy konvergentsii, NRU HSE, 2024. (accessed 22.04.2025). (In Russian)
- Ozolinya L. V. *Grammatika orokskogo yazyka* [*A grammar of Oroks (Uilta)*]. Novosibirsk, Geo, 2013, 373 p. (In Russian)
- Ozolinya L. V. Sravnenie v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh (na materiale orokskogo yazyka) [Comparison in the Tungusic languages (case of Oroks)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [*Theoretical and applied linguistics*]. 2025, iss. 11, no. 1, pp. 92–101. (In Russian)
- Pakendorf B., Aralova N. *Documentation of Negidal, a nearly extinct Northern Tungusic language of the Lower Amur*. Endangered Languages Archive. 2017. URL: <http://hdl.handle.net/2196/00-0000-0000-000F-E387-1>.
- Petrova T. I. *Ul'chskiy dialekt nanayskogo yazyka* [*Ulchi dialect of Nanai*]. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz, 1936, 156 p. (In Russian)
- Petrova T. I. *Yazyk orokov (ul'ta)* [*Language of the Oroks (Uilta)*]. Leningrad, Nauka, 1967, 156 p. (In Russian)
- Pinault G.-J. A Star is Born: A “New” PIE *-ter- Suffix. In *Verba docenti. Studies in historical and Indo-European linguistics presented to Jay H. Jasanoff by students, colleagues, and friends*. Ann Arbor, Beech Stave, 2007, pp. 271–279.
- Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [*Introduction into grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages*]. Moscow, RSUH, 2011, 672 p. (In Russian)
- Popova M. D. Stepeni sravneniya prilagatel'nykh v evenskom yazyke [Degrees of comparison of adjectives in the Even language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [*Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*]. 2015, no. 1 (iss. 43), pt. 2, pp. 169–171.
- Poppe N. N. *Materialy po solonskomu yazyku* [*Data on Solon*]. Leningrad, AN SSSR, 1931, 144 p. (In Russian)
- Robbek V. A. *Fol'klor evenov Berezovki. Obraztsy shedevrov* [*Folklore of the Evens of Berezovka: Specimens of masterpieces*]. Yakutsk, Institut malochislennykh narodov Severa SO RAN, 2005, 370 p. (In Russian)
- Robbek V. A. *Yazyk evenov Berezovki* [*Language of the Evens of Berezovka*]. Leningrad, Nauka, 1989, 206 p. (In Russian)
- Sbornik materialov po evenkiyskomu (tungusskomu) fol'kloru* [*Collection of materials on the Evenki (Tungus) folklore*]. Leningrad, Institut narodov Severa, 1936, 290 p. (In Russian)
- Shneyder E. R. *Materialy po yazyku anyuyskikh ude* [*Materials on the language of the Udihe of Anyu*]. Moscow, Leningrad, Gos. uch. ped. izd., 1937, 134 p. (In Russian)
- Stassen L. Comparative Constructions. In *WALS Online* (v2020.4). 2013.
- Sunik O. P. *Kur-urmiyskiy dialekt: issledovaniya i materialy po nanayskomu yazyku* [*Kur-Urmi dialect: Studies and data on Nanai*]. Leningrad, Uchpedgiz, Leningr. otd., 1958, 208 p. (In Russian)

- Tsintsius V. I. *Negidal'skiy yazyk* [Negidal language]. Leningrad, Nauka, 1982, 312 p. (In Russian)
- Tsumagari T. A sketch of Solon grammar. In 北方人文研究 [Journal of the Center for Northern Humanities]. 2009, no. 2, pp. 1–21.
- Volodin A. P. *Itel'menskiy yazyk* [Itelmen language]. Leningrad, 1976, 426 p. (In Russian)
- Ylikoski J. The so-called relation form of nouns in South Saami. *Finno-ugrische Forschungen*. 2018, no. 2, pp. 6–71.
- Zhao Ke. *Ewenkeyu cankao yufa* [Reference grammar of Evenki]. Beijing, 2009, 366 p. (In Chinese)
- Zhao Ke. *Ewenkeyu yanjiu* [Studies on Evenki]. Beijing, 1995, 252 p. (In Chinese)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
01.05.2025

Сведения об авторах – Information about the Authors

Валентин Юрьевич Гусев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Valentin Yu. Gusev – Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of typology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

valentin.gusev@iling-ran.ru; <https://orcid.org/0009-0004-3729-5807>

Наталья Борисовна Аралова – PhD, научный сотрудник Университета им. Кристиана Альбрехта (Киль, Германия)

Natalia B. Aralova – PhD, Research Fellow, Christian-Albrechts-Universität (Kiel, Germany)

n.aralova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9087-311X>